имиджа Юлии Тимошенко – прецедентное имя ***Леди Ю.*** («КП в Украине» – № 36, 2010 г). Данное ПИ восходит, на наш взгляд, к имени принцессы Дианы (принцессы Уэльской), ранее известной в медиасфере как «Леди Ди», – всеобщей любимицы, пользовавшейся необыкновенной популярностью женщины. «Икона стиля» «голубой крови» являлась законодательницей модных тенденций, поэтому не случайно в медиапространстве Украины Юлия Тимошенко представлена некой *Леди Ю.*: СМИ ее описывают утонченной и элегантной, в костюмах светлых тонов, с косой на голове (элемент украинских женских причесок в старину: коса в форме венка – некий оберег, защита от беды). Черты женской загадочности и недосказанности транслируются употреблением только первой буквы в имени «Юлия». Таким образом, использование прецедентного имени «Леди Ю.» в медиапространстве Украины обусловлено «вытягиванием» на первый план главного признака в сравниваемом образе / реалии, что обеспечивает узнаваемость образа.

Итак, главная закономерность в исследовании ПФ – их семантическая трактовка через обращение к первоисточнику. Мы убеждены в том, что медийный дискурс сам продуцирует эти «первоисточники» посредством общественно-политических всплесков: некоторые феномены приобретают высокий уровень прецедентности в связи с динамическими изменениями в политике государства.

Так, в 2012 г. в Украине был принят закон «Об основах государственной языковой политики», который в информационном пространстве получил статус *«языкового закона»*. В СМИ данная тема представлена борьбой за национальный украинский язык и обсуждением статуса русского языка на территории Украины: *Наконец, лето прошло* ***под знаком языкового закона****. 24 мая произошло* ***первое побоище – «за мову»*** *выступили даже те депутаты, которые никогда не вступали* **в кулачные бои**. ***А «под занавес» сессии*** *большинство удалось протянуть резонансный закон* («КП в Украине» – 13–19 июля, 2012 г).

В медиапространстве Украины возникли производные данного ПФ, которые в контексте не требуют дословного уточнения: «*языковой формат*», «*языковой проект*» («АиФ в Украине» – № 28 (831), 2012 г.)*; «языковой вопрос»* («Известия» – 13 июля, 2012 г.). Таким образом, политическая ситуация, вызвавшая общественный резонанс, может стать прецедентной и подтверждает выдвинутое нами положение о том, что политический дискурс как когнитивный процесс не только отражает, но и формирует политическую картину.

Проведенное исследование в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы позволило сделать следующие выводы. Прецедентные феномены политического медиадискурса являются «репрезентантами» национальной культуры как механизм представления политической действительности. С одной стороны, они интерпретируются информационной повесткой дня (например, маркированы деятельностью политических субъектов), с другой – сохраняют в себе когнитивную базу (знания и представления нации). Высокий уровень продуцирования национальных реалий в медиатекстах обусловлен ситуацией культурно-языкового стыка (политическая реальность Украины анализируется сквозь призму русского языка), а также воздействующим потенциалом. Поэтому не случайно выявление таких ПФ, как *ТигрЮля*, *«шароваща»*, *«уйти по-украински»*, *языковой закон* и др., хотя вопрос размытости источника национального происхождения некоторых ПФ остается в научной практике открытым.

Литература

1. *Гудков, Д.Б.* Язык СМИ и тексты политического дискурса / Д.Б. Гудков. – URL: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm. (Дата обращения: 07.12.11)

2. *Загурская, М.П.* Серые кардиналы / М.П. Загурская, А.Н. Корсун. – URL: http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/1014342/Zgurskaya_-_Serye_kardinaly.html (Дата обращения: 19.05.13)

3. *Кравченко, И.И.* Миф политический // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / И.И. Кравченко. – М., 2001. – Т. 2 – С. 580 – 581.

4. *Красных, В.В.* Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 1997. – Вып. 2.

5. *Найдюк, О.В.* Семантичні та функціональні особливості прецедентних феноменів у німецькомовному дискурсі / О.В. Найдюк. – URL: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/352201.html (Дата обращения: 19.05.13)

УДК 811.161.1’28

С.А. Ганичева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина

АРЕАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ-ОРНИТОФОНОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Работа выполнена при поддержке Вологодского регионального отделения Русского географического общества и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 гг.» (проект «Язык и словесность Русского Севера как образы национальной ментальности», соглашение 14.B37.210036)»

В статье охарактеризованы общие особенности территориального распределения в русских говорах глаголов, обозначающих звуки птиц, а также описаны лексические зоны, выявляющиеся при обобщении ареалов этих слов.

«Лексический атлас русских народных говоров», глаголы-орнитофоны, лексические зоны.

The article is devoted to the specificity of geographical distribution of verbs meaning bird's vocalization in Russian dialects. The paper describes the lexical areas appearing in generalization of areas of these words.

«Lexical Atlas of Russian Dialects», verbs meaning bird's vocalization, lexical zones.

Проблема диалектного членения русского языка давно привлекала внимание исследователей. При этом существующие опыты выделения диалектных объединений в русских говорах характеризуются незначительным учетом лексических данных и обращением преимущественно (или только) к фактам фонетического и морфологического уровней языка.

Составители «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» (1915) принимали во внимание только фонетические и морфологические диалектные различия [9]. В более раннем варианте членения русских говоров, предложенном В.И. Далем, также учитываются преимущественно различия этих языковых уровней, хотя при характеристике наречий В.И. Даль часто приводит примеры слов, используемых в той или иной губернии [6].

В большей степени лексические явления учитывались при составлении схемы диалектного членения русского языка К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (1964 г.), а также в структурно-типологической классификации русских говоров Н.Н. Пшеничновой [10], [17]. В них лексические различия включены в характеристику каждого выделяемого диалектного объединения, что не случайно: в обоих случаях составители основывались на материалах «Диалектологического атласа русского языка», предполагавшего изучение всех уровней языковой структуры говоров [4, с. 10 – 21]. Однако к моменту начала работы над атласом лексические диалектные различия были изучены значительно меньше, чем фонетические и морфологические, поэтому лексическая часть программы (154 вопроса) [16], как признавали сами составители, оказалась фрагментарной [4, с. 180]. Большая часть вопросов относилась к словам с предметным значением, которые носят этнографический характер [2, с. 64 – 65].

В то же время существующие опыты изучения диалектных лексических единиц, с точки зрении территории их употребления, опыты составления лексических карт и атласов русского и других славянских языков показывают, что элементы лексической системы говоров нередко имеют выраженные ареалы, которые могут служить основой для выявления лексических зон и микрозон, использоваться для изучения истории формирования языков и выявления их ареальных связей [11], [13] и др. Так, серия работ А.С. Герда, основанных на данных словарей и полевых наблюдений, посвящена лексическим зонам Севера, Северо-Запада и (частично) центральной части России. Автор отмечает, что эти зоны сложились задолго до появления славян на изучаемой территории и на протяжении веков передавались от одной культуры к другой [5], [15] и др. Кроме того, возможность выявления диалектных объединений на основании данных лексики иллюстрируют материалы региональных лексических атласов (атласы Московской, Архангельской, Кировской областей) [3], [8], [12].

Таким образом, существующие исследования показывают возможность использования лексических явлений для установления диалектного членения русского языка. В настоящее время фактический материал для работы в этом направлении активно накапливается в ходе создания «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Атлас охватывает территорию Европейской части России и Урала (до 60° в. д.). Основные разделы его вопросника, содержащего более 5 000 вопросов, сформированы на основании тематического принципа, а вопросы внутри них структурированы в соответствии со строением лексико-семантических групп в диалектах [14, с. 5 – 20].

Выявление лексических зон в русских говорах является одной из глобальных задач создания ЛАРНГ. Хотя основные исследования в этом направлении могут быть осуществлены только после завершения работы над атласом, представляется целесообразным предварительное выявление диалектных зон на основании материалов уже составленных карт.

Мы обратимся к подготовленным нами десяти картам лексико-семантической группы глаголов-орнитофонов (глаголов, обозначающих процесс вокализации птиц: *куда́хтать*, *те́нькать*, *чири́кать* и др.). Это карты глаголов со значениями ‘издавать звуки, характерные для грача’, ‘петь (о жаворонке)’, ‘кричать (о журавле)’, ‘издавать звуки, характерные для синицы’, ‘куковать’, ‘издавать звуки, характерные для сороки’, ‘издавать звуки, характерные для тетерева’, ‘издавать звуки, характерные для гуся’, ‘издавать звуки, характерные для курицы’, ‘петь (о петухе)’. Обращение к этим словам обусловлено рядом причин. Во-первых, карты глаголов-орнитофонов предполагается включить в том «Животный мир», подготовка которого начнется после издания первого тома атласа. Во-вторых, эта группа слов мало изучена в лингвогеографическом аспекте. В-третьих, в русской лингвистике существует определенная теоретическая и практическая база, на которую можно опереться при составлении карт глаголов-орнитофонов. Так, семантику и структурную специфику глаголов звучания в целом и глаголов, обозначающих звуки животных и птиц, исследовали Л.М. Васильев, Р.Г. Карунц, Ю.С. Азарх, И.В. Ивлиева, Н.А. Курашкина, Е.П. Андреева, Е.В. Тишина и др. Ю.С. Азарх рассматривала также некоторые вопросы, связанные с лингвогеографическим описанием глаголов, обозначающих звуки животных [1]. Отдельные карты этих слов включены в атласы русского языка [2], [7] и др.

Анализ подготовленных карт глаголов-орнитофонов показывает, что существуют определенные закономерности в распространении лексем внутри отдельных синонимических рядов. Во-первых, в каждом синонимическом ряду глаголов-орнитофонов

существуют одна, две или три наиболее частотные и повсеместно распространенные лексемы (по отношению к грачу это слова *ка´ркать*, *гра´ять* и *гра´чить*, жаворонку – *чири´кать*, журавлю – *курлы´кать*, синице – *те´нькать*, кукушке – *кукова´ть*, сороке – *стрекота´ть* и *треща´ть*, тетереву – *токова´ть*, гусю – *гогота´ть*, курице – *куда´хтать* и *кво´хта´ть*). Чаще всего эти глаголы известны и в литературном языке.

На фоне наиболее частотных и распространенных лексем выявляются менее распространенные, которые могут образовывать ареалы. Количество таких глаголов и степень выраженности ареалов значительно различаются в разных рядах.

Во-вторых, на картах не выявляется четких территориальных противопоставлений лексем и ареалов исключительного употребления глаголов. Как правило, на одной и той же территории фиксируется частотное и повсеместно встречающееся слово и одна или несколько менее распространенных диалектных лексем. Таким образом, обычно можно говорить о территориальной привязке отдельных картографируемых единиц, а не о системе четких территориальных противопоставлений на карте в целом.

В-третьих, подготовленные карты позволяют выявить следующие особенности распределения глаголов-орнитофонов отдельных синонимических рядов.

1. Среди глаголов, обозначающих звуки грача, повсеместно зафиксированы слова *ка´ркать*, *гра´ять* и *гра´чить*. Лексемы *кра´кать* (*кра´чить*) и *грать* чаще встречаются в южной части территории, глагол *га´ркать* (*гарча´ть*) используется преимущественно в говорах Центральной и Юго-Восточной диалектной зоны и на прилегающих к ним территориях.

2. Для обозначения звуков жаворонка используются только глаголы широкой семантики, самый распространенный из которых – *петь* (не картографирован). Из отобранных для картографирования глаголов повсеместно встречаются слова *чири´кать* (*чили´кать*, *чиви´кать*) и *залива´ться*, остальные глаголы (*залива´ть*, *жа´воро´нить*, *тре´лить*, *тре´лькать*, *щебета´ть*, *свисте´ть*, *свиста´ть*, слова с корнем *-твил-* // *-тлив-*) обнаруживают тяготение к разным частям территории картографирования.

3. Среди обозначений звуков журавля повсеместно распространён глагол *курлы´кать* и его варианты, слово *глу´кать* встречается на Урале, слова с переходом [к] > [ч] (*курлы´чить* и др.) тяготеют к центральной части территории.

4. По отношению к синице, как и к жаворонку, употребляются только глаголы широкой семантики. Среди слов, отобранных для отражения на карте, повсеместно употребляются глаголы типа *те´нькать*. Слова с корнем *-зень-* // *-зинь-* // *-сень-* // *-синь-* // *-сини-* (*си´нькать* и др.), глаголы типа *тре´нькать*, слова на *-цв'-* (*цви´нькать* и др.) зафиксированы преимущественно на юге и в центре территории. Глаголы с корнем *-пень-* // *-пинь-* встречаются в северной и центральной частях территории и на Урале, глагол *пи´кать* – между 52° и 59° с. ш.

5. Процесс вокализации кукушек повсеместно обозначается словами типа *кукова´ть*, *кокува´ть*, а также глаголами *коку´кать*, *ку´кать*, *куку´кать*. Слова *кува´ть* и *кова´ть* употребляются на юге территории картографирования (неподалеку от границы с Украиной).

6. Повсеместно распространенными обозначениями вокализаций сороки являются слова типа *стрекота´ть* и глагол *треща´ть*. Преимущественно на севере и в районе Урала встречается слово *щекота´ть* и его варианты. В южной части территории употребляются глаголы *чекота´ть*, *скоргота´ть* (*скрыгота´ть*, *шкрыкота´ть*), слова типа *чичи´кать*. На юге и в районе Урала зафиксирован глагол *сокота´ть* (*цокота´ть*). Преимущественно в центральной части территории употребляется слово *соро´чить*.

7. Среди глаголов со значением «Издавать звуки, характерные для тетерева» повсеместно распространены слова типа *токова´ть* и слово *курлы´кать* (*гурлы´кать*, *урлы´кать*). Остальные лексемы обнаруживают тяготение к разным частям территории картографирования.

8. Процесс вокализации гусей повсеместно обозначается словами типа *гогота´ть*, *гага´кать* и *гого´чить*, также достаточно широко распространена лексема *га´гать* и сходные с ней. В говорах территориально противопоставлены слово *га´кать*, зафиксированное севернее 56° с. ш., и глаголы с корнем *-кага-* // *-каге-* // *-каг-* // *-ког-* // *-кег-* // *-кеге-* // *-кеке-*, употребляющиеся южнее 56° с. ш.

9. Повсеместно встречающимися глаголами, обозначающими вокализации курицы, являются слова типа *кво´кта´ть* и *куда´хтать*. Достаточно широко, хотя и не повсеместно, распространены слова типа *кво´кать* и *куда´кать*, а также глагол *кокота´ть*. Глаголы типа *тата´чить*, *тара´кать* употребляются преимущественно в западной части территории, хотя зафиксированы и в других районах. На севере зафиксированы глаголы *ро´ститься* и *квоко´чить*, *квокота´ть*, *клокота´ть*, *клохота´ть*, преимущественно на юге встречаются слова типа *кудкуда´хтать*, а также *сокота´ть* и *сокори´ть*.

10. Среди обозначений крика петуха повсеместно распространены слова типа *кукаре´кать*. Глаголы *кикире´кать*, *кикири´кать*, *кири´кать* встречаются севернее 59° с. ш. и этим противопоставлены словам *кукареку´кать*, *кукуреку´кать*, зафиксированным южнее. Слова *кукаре´ковать*, *кукуре´кова´ть* образуют островной ареал в центре территории.

В-четвертых, территориально ограниченные глаголы разных синонимических рядов могут иметь сходные ареалы. На основании анализа таких ареалов нами было выделено несколько лексических зон.

Прежде всего, можно говорить о делении территории картографирования на северную (севернее 59° с. ш.) и южную (южнее 55° с. ш.) лексические зоны, между которыми располагается промежуточная центральная зона. Выделение этих зон связано с существованием среди исследуемых глаголов-орнитофонов лексем северного и южного ареалов употребления.

К северу тяготеют следующие слова: 1) *пи´нькать* (*пе´нькать*, *пи´ньгать*) – о синице; 2) *гу´ркать* (*гурча´ть*, *у´ргать*, *у´ркать*, *урча´ть*) – о тетереве; 3) *щекота´ть* (*щекта´ть*, *щёкотить*) – о сороке; 4) *квоко´чить* (*квокота´ть*, *клокота´ть*,

клохота́ть), *ро́ститься* – о курице; 5) *кикире́кать* (*кикири́кать*, *кири́кать*) – о петухе; 6) *га́кать* – о гусе.

Для южной лексической зоны характерны следующие глаголы: 1) *грать*, *га́ркать* (*гарча́ть*), *кра́кать* (*кра́чать*) – о граче; 2) *тре́нькать* (*три́нькать*, *тре́нкать*, *тере́нькать*), *зе́нькать* (*зи́нькать*, *си́нькать*, *се́нькать*, *сини́кать*), глаголы на *-цв'-* (*цви́нькать* и др.) – о синице; 3) *курлы́чать* (*курлы́чить*, *гурлы́чить*, *курла́чать*) – о журавле; 4) *гуркова́ть* (*куркова́ть*, *уркова́ть*), *гу́рандать* (*гура́ндить*, *гуры́ндать*), *чувы́кать* (*чувы́шкать*, *чувы́чить*, *чува́шкать*), *чуфы́кать* (*чуфы́ркать*) – о тетереве; 5) *кува́ть* (*кова́ть*) – о кукушке; 6) *сокота́ть* (*цокота́ть*), *чекота́ть*, *скоргота́ть* (*скрыгота́ть*, *шкрыкота́ть*), *чичи́кать* (*чача́кать*, *чика́кать*, *чака́кать*) – о сороке; 7) *щебета́ть*, глаголы с корнем *-твил-* // *-тлив-*, *жа́воро́нить* – о жаворонке; 8) *куда́кать* (и сходные), *кудкуда́кать* (и сходные), *кудкуда́хтать* (и сходные), *сокота́ть* (*сокори́ть*, *цокоры́ть*) – о курице; 9) *кукареку́кать*, *кукареку́кать* – о петухе; 10) слова с корнем *-кага-* // *-каге-* // *-каг-* // *-ког-* // *-кег-* // *-кеге-* // *-кеке-* – о гусе. Как видим, в южных говорах обозначения вокализаций птиц существенно более разнообразны, чем в северных.

Точечно лексемы, характерные для одной зоны, могут быть зафиксированы на территории другой.

Для центральной зоны характерно пересечение ареалов северных и южных лексем. При этом в большей ее части преобладают северные лексемы. Исключением является юг центральной зоны и территория Ивановской обл., на которых зафиксированы преимущественно южные лексемы. Существуют также глаголы, встретившиеся только в центральных говорах. Это слова *бормота́ть* (*болмота́ть*, *болбота́ть*) ‘издавать звуки, характерные для тетерева’, *пи́кать* ‘издавать звуки, характерные для синицы’, глаголы с корнем *-трел'-* // *-трил'-*, имеющие значение ‘петь (о жаворонке)’.

Очевидно, что полученное деление территории соотносится с выделением Северного и Южного наречий (северновеликорусских и южновеликорусских говоров) и среднерусских (средневеликорусских) говоров на картах диалектного членения 1964 и 1915 гг.

Интересно, что, по нашим данным, охваченные сеткой картографирования говоры Урала в северной части (севернее 56° с. ш.) относятся к центральной зоне, а в южной части – к южной зоне. По карте 1915 г., также включающей эту территорию, говоры Урала большей частью являются северновеликорусскими.

Помимо северной, южной и центральной зон лексические данные позволяют выделить еще несколько территорий.

1. Территория к югу от 54° с. ш. На ней употребляются лексемы: 1) *чичи́кать* (*чача́кать*, *чикака́ть*, *чакака́ть*), *скоргота́ть* (*скрыгота́ть*, *шкрыкота́ть*) – о сороке; 2) *кува́ть* (*кова́ть*) – о кукушке. Интересно, что эти слова не встретились на других территориях.

2. Территория к западу от 56° в. д. между 51° и 58° с. ш. эту зону можно выделить на основании ареалов лексем *тре́нькать* (*три́нькать*, *тре́нкать*, *тере́нькать*; о синице), *чекота́ть* (о сороке), *щебета́ть* (о жаворонке) и *кра́кать* (*кра́чать*; о граче).

3. Территория Урала. Для нее характерна лексическая пестрота: здесь встречаются ареалы или единичные фиксации многих лексем, основные области употребления которых расположены на других территориях. К этим словам относятся, например, глаголы *сокота́ть* (*цокота́ть*) ‘издавать звуки, характерные для сороки’, *гу́рандать* (*гура́ндить*, *гуры́ндать*) ‘издавать звуки, характерные для тетерева’, *тре́нькать* (*три́нькать*, *тре́нкать*, *тере́нькать*) ‘издавать звуки, характерные для синицы’ и др. Только в районе Урала зафиксирован глагол *глу́кать* ‘кричать (о журавле)’.

Таким образом, анализ карт глаголов-орнитофонов показывает существование определенных особенностей территориального распределения глаголов внутри каждого синонимического ряда этих слов, а также возможность выявления на основании обобщения данных карт лексических зон. Правомерность их определения подчеркивается соответствием основных зон традиционному трехчастному делению русских говоров.

В целом, выделение диалектных объединений на материале данных лексики представляет собой перспективное направление исследований в области лингвистической географии. Хотя подробное изучение лексических зон на территории Европейской части России и Урала будет возможно после завершения работы над ЛАРНГ, предварительные опыты выявления диалектных лексических объединений могут быть проведены уже сейчас. Так, в перспективе нашей работы может быть расширена база исследования за счет составления других карт глаголов, обозначающих звуки животных и птиц, а также привлечения материалов всех опубликованных на данный момент карт ЛАРНГ.

Литература

1. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. – М., 1957.

2. *Азарх, Ю.С.* О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских диалектных глаголов, обозначающих крики животных) / Ю.С. Азарх // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1972. – М, 1974. – С. 104 – 139.

3. *Войтенко, А.Ф.* Лексический атлас Московской области / А.Ф. Войтенко. – М., 1991.

4. Вопросы теории лингвистической географии. – М., 1962.

5. *Герд, А.С.* К истории диалектных границ вокруг Онежского озера / А.С. Герд // История русского слова: проблемы номинации и семантики. – Вологда, 1991. – С. 55 – 61.

6. *Даль, В.И.* О наречиях русского языка / В.И. Даль // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1. – М., 1978. – С. XLI – LXXXV.

7. Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части СССР. Вып. I – III. – М., 1986 – 1996.

8. *Долгушев, В.Г.* Лексика вятских говоров в ареальном и ономасиологическом аспектах / В.Г. Долгушев. – М., 2006.

9. *Дурново, Н.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. – М., 1915.

10. *Захарова, К.Ф.* Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М., 2004.

11. *Иванова, А.Ф.* Лексемы западного ареала на территории Московской области / А.Ф. Иванова // История русского языка: лингвистический сборник. Вып. 7. – М., 1977. – С. 63 – 71.

12. *Комягина, Л.П.* Лексический атлас Архангельской области / Л.П. Комягина. – Архангельск, 1994.

13. *Комягина, Л.П.* Об изучении лексики архангельских говоров методами лингвистической географии / Л.П. Комягина // Проблемы русской лингвистической географии. – СПб., 1992.

14. Лексический атлас русских народных говоров: пробный выпуск. – СПб., 2004.

15. Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб., 2001.

16. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. – М., 1947.

17. *Пшеничнова, Н.Н.* Лингвистическая география: по материалам русских говоров / Н.Н. Пшеничнова. – М., 2008.

УДК 81

Я.Б. Емельянова

ОПОРА НА ПРЕДМЕТНУЮ СИТУАЦИЮ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

В статье анализируется значимость предметной ситуации и способа ее описания для создания адекватного текста перевода, аргументируется эффективность опоры на ментальную репрезентацию предметной ситуации как одного из средств обеспечения адекватности перевода, дается перечень навыков и механизмов, обеспечивающих использование этой опоры.

Перевод, адекватность перевода, предметная ситуация, образ ситуации, дидактика перевода.

The article analyses the importance of an extranlinguistic situation and linguistic means used to describe it in creating an adequate translation, gives arguments supporting the effectiveness of using the mental representation of the extralinguistic situation as the means of ensuring adequacy of translation and presents the list of required mechanisms and skills.

Translation, adequacy of translation, extralinguistic situation, image of situation, didactics of translation.

Перевод – это вид деятельности, основная цель которой состоит в том, чтобы «в максимально возможной мере приблизить опосредованную двуязычную коммуникацию по полноте, эффективности и естественности общения к обычной одноязычной коммуникации» [6, с. 14]. Такое приближение заключается в том, чтобы предоставить возможность получателям оригинала и перевода одинаково отреагировать на текст оригинала и перевода соответственно, несмотря на их принадлежность к разным культурам. Только адекватный перевод способен оказать на получателей коммуникативный эффект, равноценный тому, который может оказать на своих получателей текст оригинала. Или, говоря словами Л.К. Латышева, оказать равноценное «регулятивное воздействие» на получателей перевода, т.е. «вызвать определенную реакцию у адресата» [Цит. по: 10, с. 162].

Одним из условий обеспечения адекватного перевода является умение переводчика смотреть на описываемую в тексте предметную ситуацию как с позиции получателей оригинала, так и с позиции получателей перевода и выбирать соответствующий способ ее описания. Под *предметной ситуацией* понимается «ситуация, получающая отражение в тексте» [10, с. 152], «совокупность объектов и связей между ними, описываемая в высказывании» [5, с. 54]. *Способ описания ситуации* – это «отражение в содержании высказывания тех признаков ситуации, которые использованы для ее идентификации» [5, с. 56].

В разных культурах и языках могут различаться:

1) видение и описание одних и тех же фрагментов действительности;

2) ассоциации, связанные с описанием определенных ситуаций действительности.

Если в первом случае требуется знание принятого в языке перевода способа описания конкретной ситуации, то во втором необходимость выражения определенного смысла и оказания требуемого коммуникативного эффекта может потребовать описания в переводе предметной ситуации, отличной от той, что описана в оригинале, но вызывающей одинаковые ассоциации у носителей двух языков. Соответственно, создание адекватного текста перевода невозможно без грамотного уяснения предметной ситуации и нахождения соответствующего способа ее описания. В этой связи основная цель нашей работы состоит в том, чтобы выяснить, может ли опора на предметную ситуацию способствовать обеспечению адекватности перевода, и какие навыки, умения и механизмы для этого необходимы.

На наш взгляд, уяснение предметной ситуации предполагает:

1) моделирование структуры ситуации (построение ее модели, выявление участников ситуации и отношений между ними);